

О.В. Липская

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ РАСЧЛЕНЁННОСТИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ НА САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Явление расчлененности предложения на самостоятельные коммуникативные отрезки привлекало внимание ученых давно. Однако серьезное изучение этой проблемы началось только в 50-ые годы, когда сложились основные направления в изучении присоединительных конструкций. Одной из первых работ, посвященных сегментированным присоединительным конструкциям, была статья С.Е. Крючкова «О присоединительных связях в современном русском языке», на которую вдохновил ученого В.В. Виноградов [1, 80]. Собранный и описанный в дальнейшем языковой материал показал неоднородность явления, обозначаемого общим термином присоединение, которую видел уже и В.В. Виноградов.

Серьезным исследованием данной проблемы в русистике стала работа Ю.В. Ванникова «Синтаксические особенности русской речи (явление парцелляции)», в которой автор представил теоретический анализ этого текстового явления. Благодаря его исследованиям, термин **парцелляция** начинает хождение в литературе наряду с термином **присоединение**. По Ю.В. Ванникову, парцелляция – «такой способ речевого членения единой синтаксической структуры, т.е. предложения, при котором она воплощается не в одной, а в нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, т.е. фразах» [2, 4]. Данное явление исследуется

автором в логико-семантическом аспекте, при этом, основное внимание сосредоточивается на характеристике формально-синтаксических признаков и установлении типичных композиционных приемов парцелляции. Ю.В. Ванников отмечает, что структура предложения разворачивается в двух направлениях, называемых экстенсионалом и интенсионалом. Критерием выделения являются прогнозируемость /непрогнозируемость и замкнутость /незамкнутость синтаксических рядов слов. Экстенсиональные структуры представляют собой незамкнутый синтаксический ряд, между элементами которого отсутствуют отношения предопределения: «появление одного элемента не прогнозирует появление другого и не прогнозируется им» [2, 8]. Интенсиональные структуры, образуя замкнутый синтаксический ряд, характеризуются прогнозируемыми элементами.

Наблюдения исследователя показывают, что чаще всего парцеллируются экстенсиональные члены предложения, среди которых на первом месте однородные сказуемые. Простейшим случаем их парцелляции является повторение в отчлененном отрезке сказуемого, которое употреблялось в базовой части, что подтверждается и нашим языковым материалом. Нельзя не согласиться, что в подобных случаях парцелляция зачастую явление необходимое, «позволяющее значительно расширить экстенсивную структуру предложения, избегая при этом грамматической, акцентологической и семантико-интонационной перегруженности состава сказуемого» [2, 40]. Но, на наш взгляд, утверждение, что попытка трансформации подобных конструкций в непарцеллированные может привести к существенным изменениям синтаксической структуры, а то и к невозможности реализации таких предложений в одной фразе, не является достаточно убедительным аргументом для причисления к сегментированным конструкциям следующих выделенных структур (примеры из работы): *Вышел я на перрон. Пустынно. Справляюсь, где стоит госпиталь* (В. Вересаев.); *Тут весь народ успокоился, один воевода пляшет. До того плясал, что и с ног упал. Лежит на земле, словно рыба на песке* (Сказки). Здесь, на наш взгляд, нет парцелляции. Выделенные фрагменты представляют собой простые неполные предложения. Такие конструкции выполняют в письменной речи не только функцию средств структурирования текста, но используются также для экономии языковых усилий, ускорения передачи информации, в экспрессивных целях, поэтому нередко похожи на сегментированные. Путь поисков разграничения, по нашему мнению, лежит через текст как главную единицу языка и речи. В частности, в приведенных контекстах каждое из сказуемых участвует в структурировании отдельной автосемантической ситуации. Более того, в первом примере между двумя ситуациями вклинивается третья, вербально выраженная предикативом *Пустынно*, – вряд ли при таком языковом выражении мы имеем сегментацию первого предложения.

Анализируемый труд, несомненно, представляет собой глубокое и подробное описание явления парцелляции с точки зрения ее структурно-семантических особенностей. Однако, вслед за А.П. Сковородниковым [3, 4], мы считаем, что предложенная Ю.В. Ванниковым классификация является неполной, так как учитывает только парцелляцию простого предложения. Кроме того, в ней мало внимания уделено причинам и коммуникативным целям данного явления, не рассматриваются спорные случаи, переходные конструкции, многие типы сегментов не анализируются. Тем не менее исследование Ю.В. Ванникова может служить отправной точкой для анализа парцеллированных конструкций уже в другом ракурсе – с точки зрения их участия в выражении тема-рематического содержания высказывания в структуре текста-дискурса.

Начиная с середины 60-х годов на протяжении нескольких десятилетий парцелляция отождествлялась с присоединением. Дальнейшие исследования ученых в этой области синтаксиса осуществляются в русле разграничения данных явлений. Так, А.А. Виноградов в [5] вводит понятие динамического присоединения, которое, по его мнению, позволяет, с одной стороны, отграничить факты языкового (статического) присоединения как семантико-синтаксической категории от устно-речевого присоединения, а с другой – осознать необходимость последовательного разграничения явлений парцелляции и динамического присоединения, имеющих общий формальный признак – сегментированность. Говоря о необходимости разграничения присоединения и парцелляции как «взаимоисключающих явлений», учёный предлагает семь структурно-синтаксических дифференциальных признаков, однако практически механизм различения в этом же исследовании оказывается недостаточно эффективным. Так, непонятно, почему высказывание *Таким образом, этот принцип имеет большое методологическое значение. Поэтому он и играет такую роль в познании свойств и взаимодействий микрочастиц* содержит, по мнению автора теории, присоединительную конструкцию, а в примере *В глубине куска стекла или другой преломляющей среды частицы света окружены со всех сторон одним и тем же веществом. Поэтому она не испытывает неуравновешенного толчка ни в каком направлении. Но на поверхности стекла положение совсем другое: вполне возможен толчок поперёк границы раздела* А.А. Виноградов усматривает

парцеллированную структуру, хотя никаких особых различий (рассматриваемого плана) между расчлененными конструкциями нет: и в 1-ом, и во 2-ом высказываниях в позиции сегмента оказываются придаточные части следствия, степень их сложности одинакова, в обоих примерах возможно «снятие точки» и т.д. Остаются и другие вопросы.

А.П. Сквородников в [3] уточняет содержание понятий «парцелляция» и «присоединение», утверждая, что последнее следует считать явлением статического аспекта предложения. Наиболее плодотворными нам показались мысли о том, что присоединение имеет полевою структуру, в которой выделяются центральная и периферийная зоны. Центральная зона представлена структурно-грамматическими показателями, периферийная – только интонационными. В отличие от присоединения, парцелляция – явление динамического аспекта предложения. Она может встречаться в простых и сложных предложениях разной структуры, в том числе и в предложениях с присоединительными отношениями. В работе доказывается, что в «центральной» зоне рассматриваемые конструкции всегда формально разграничены, даже тогда, когда сосуществуют в одном высказывании. А в «периферийной» зоне присоединение и парцелляция находятся в позиции формального неразличения. Для их разграничения необходим контекстно-семантический анализ» [4, 128]. Учёный предлагает свою типологию парцеллированных построений, выделяя три разновидности: сильная парцелляция, средняя и слабая. В качестве основного критерия разграничения подобных конструкций служит степень синтаксических связей между базовой частью и парцеллятом, мерой которой выступает их взаимная предсказуемость/непредсказуемость. Достаточно подробно изучены и описаны автором коммуникативные особенности парцеллированных конструкций. С помощью контекстно-семантического анализа А.П. Сквородников выделяет функции парцеллированных конструкций в современном русском языке, подчеркивая при этом, что «исследователи, которые подходят к явлению парцелляции с позиций теории актуального членения предложения, видят в ней средство создания в предложении (высказывании) нового самостоятельного речематического центра или нескольких таких центров. Эта выделительная функция парцелляции является основной...» [5, 86]. Такой, на наш взгляд очень плодотворный, подход к данному явлению иллюстрируется, однако, примером, который вызывает возражение: *Если бы я был порядочным человеком и не был бы трусом, я давно уже ушел бы на пенсию. Но я этого боюсь. По ряду причин.* Первая выделенная структура, с нашей точки зрения, парцеллятом не является: это простое предложение, в котором союз *но* выполняет естественную для него текстообразующую роль. Во всяком случае, категорично утверждать, что это сегмент, нет оснований. Вторую конструкцию мы бы рассматривали как собственно сегментацию: здесь расчлененность не приводит к усилению (удвоению) ремы.

Среди анализируемых автором специфических функций парцелляции в публицистическом стиле особый интерес для нас представляет функция актуального членения. Её сущность заключается в том, что с помощью парцелляции происходит перераспределение информативной нагрузки между частями предложения. Пример же, иллюстрирующий эту функцию, представляется неубедительным: *Долгие годы на этом месте стоял небольшой памятник. А сейчас над кручами Урал-реки взметнулся ввысь штык из титана* (Правда, 7.08.74). Второе высказывание вряд ли можно считать парцеллятом. По крайней мере, специфические признаки единиц такого рода в рассматриваемой работе не описаны. Думается, подобные конструкции являются синкретичными, возникающими в речи, тексте при реализации потенциальных коммуникативных возможностей конструктивной грамматики, ее моделей.

Понятия *парцелляция* и *присоединение* отождествляются белорусским ученым Л.И. Бураком. В его исследовании расчлененность предложения понимается очень широко, особенно по отношению к сложным предложениям. Считая, что «присоединительные конструкции, соотносимые с предложениями, чрезвычайно распространены» в белорусском языке [6, 165], Л.И. Бурак относит к парцелляции пары высказываний, соединённых самыми разными союзами, структуры с явными признаками присоединительных конструкций, а также целые тексты: 1. *Дзед спіць. Ды і баба спіць* (З. Бядуля); 2. *Гара была досыць крутая. На яе і улётку цяжка ўзысці. А Міша катаўся з яе на лыжах. І калі ён на перапынку, ухапіўшы лыжы, узбіраўся на гару, то тады ўсе вучні школы збіраліся паглядзець на выдатнае відовішча* (К. Крапіва).

Есть противоречия в трактовке рассматриваемых явлений, например, в [7], где в определении парцелляции ни слова не говорится о тексте, что, на наш взгляд, ведет к неточному толкованию парцелляции, которая представляет собой, прежде всего, коммуникативное явление, явление текста.

В последние десятилетия появился ряд работ, посвященных изучению парцелляции на материале разных языков: русского, украинского, татарского, узбекского, английского,

французского, немецкого. Так, диссертация Л.И. Конноховой [8] посвящена изучению структурно-функциональных особенностей парцелированных конструкций в языке украинских средств массовой информации. В работе на основе структурно-семантического принципа исследуется парцелляция простого и сложного предложений. По мнению автора, парцелированные части всегда выражают ремю. На наш взгляд, по отношению к явлению сегментации, всё ещё мало изученному, нельзя ничего утверждать категорично. Во-первых, в позиции сегмента может оказаться любая часть предложения, даже изолированное вводное слово, частица, союз, предлог; во-вторых, функции сегментов с точки зрения коммуникативных задач чрезвычайно разнообразны: в сегментированных конструкциях выражаются разные семантические нюансы коммуникативных ситуаций – делиберативные, комитативные, посессивные, кваликативные, каузативные... – практические все значения, присущие синтаксемам, «...выступающим одновременно как носители элементарного смысла и как конструктивные компоненты более сложных синтаксических построений» [9, 4], следовательно, ожидается, что их отношения с актуальным членением также более сложны. В сегменте, конечно, чаще всего реализуется рема, причем это может быть часть ремы, вторая рема, градационная рема и другие её типы. Но иногда отчлененной оказывается тема, н-р: *То, что происходит в среде артистов, становится достоянием всех. Хорошее и плохое.* (ЛГ, 27.09.1999). Здесь сегмент конкретизирует тему базового высказывания *то*. Коммуникативная структура сегментированного построения: $T_1 - P_1$. T_2 конкрет. Непрогнозируемое расчленение фразеологизма в следующем употреблении также предпринято не с целью выделения ремы: *«Правда» у меня, если честно, не продавалась, потому что я её заныкала подальше. От греха* (ЛГ, 21.03.01). Акцентуации ремы как таковой здесь нет, нет и актуализации понятия «грех», т.е. дальше расчленения фразеологизма автор не идёт, в чём грех (если уж акцент на этом слове!), не раскрывает, поэтому говорить об усилении, акцентуации ремы было бы неверно. Здесь использован приём «языковой игры», которая создаёт эффект насмешки, увеличивающий общий объём иронии, пронизывающей статью Евг. Медведевой «Как я торговала свободой слова» и в каком-то смысле являющейся её ремой: это ироническая рефлексия интеллигента на тему «неинтеллигентных» рыночных отношений.

В исследовании Л.И. Конноховой меньше изучен прагматический аспект парцелированных структур, который является, на наш взгляд, очень важным для понимания коммуникативных функций сегментирования. Анализ собранного нами языкового материала выявил необходимость рассмотрения подобных явлений в антропоцентрическом (текстоцентрическом) аспекте. Частотность и возрастающая популярность анализируемых конструкций несомненно связана с особенностями авторского видения мира, стремлением языковой личности к более экономному и эмоционально насыщенному способу подачи информации.

В некоторых работах последних лет парцелляция описывается как в структурно-семантическом плане, так и с точки зрения её роли в процессах коммуникации и текстообразования. В [10] рассматривается вопрос о разграничении присоединения и парцелляции в аспекте функционального синтаксиса; утверждается, что «присоединение и парцелляция находятся в разных синтаксических плоскостях, которые могут перекрещиваться и накладываться друг на друга, но могут и не пересекаться» [10, 5]. И.А. Рычкова классифицирует парцелированные конструкции по коммуникативным и лексико-семантическим признакам, отмечая при этом определяющую роль лексико-семантических отношений для актуального членения парцелированных структур. Автор предлагает выделять «диремные ПК» (ДПК), имеющие 2 и более рематических центра, и «моноремные ПК» (МПК), базовая часть и парцеллят которых формируют одну ремю. «ДПК представляют собой особый коммуникативный вариант реализации структурной схемы предложения в речи и входят в коммуникативную парадигму простого предложения. МПК, напротив, принципиально не изменяют схему АЧ высказывания (в сравнении с непарцелированным вариантом) и, следовательно, не входят в коммуникативную парадигму предложения, а лишь составляют разновидность коммуникативного варианта предложения» [10, 12]. В диссертации также исследуется участие ПК в коммуникативной организации текста и текстообразовании. Взаимосвязь явления парцелляции с различными категориями текста рассматривается и в [11]. Автор считает парцелированные полипредикативные высказывания синкретичными единицами, имеющими свойства и сложного предложения, и текста.

Изучение состояния проблемы показывает, что, несмотря на значительное количество работ, спорными остаются многие вопросы, в том числе проблема терминологии. На наш взгляд, объединяющим термином мог бы стать термин «сегментация» (сегментирование), причём в понимании, несколько отличном от традиционного. В большинстве исследований, посвященных сегментированным конструкциям [12; 13; 14 и др.], к явлению сегментации относят либо только

именительный темы, либо (при более широком понимании) «фигуру» представляющую собой бинарно (на две части) расчлененное построение..., в котором первая часть, называемая сегментом, обозначает актуальное для говорящего (пишущего) понятие, а вторая часть, называемая базовой, содержит какое-либо высказывание по поводу понятия, обозначенного в сегменте» [15]. Представляется недостаточно аргументированным отнесение к сегментированным конструкциям лишь тех, которые выражены формой имени существительного в именительном падеже или в форме инфинитива. Сегментирование – вычленение из целого его части, сегмента и представление этой части как самостоятельного высказывания. В таком случае любой фрагмент в любой форме, способный оказаться за пределами предложения и выполнять определенную коммуникативную задачу, может быть назван сегментом. Следовательно, сегментированные конструкции – более широкое понятие, выступающее как инвариант по отношению к вариантам: именительный темы, парцелированная структура, отчлененная предикативная единица, любое присоединение, отделенное от базовой структуры знаком конца предложения. Причём перечисленные сегменты, будучи неконкретными синтаксическими знаками, легко «вставляются» в «генетически родную» им базовую структуру, образуя с ней иконические знаки, типичные конвенциональные конструкции. Ср.: *Обыватель – он явно не воин, потому что он лежачий камень, под который и вода не течет* (Ф. Степун) – *Обыватель – явно не воин, потому что он лежачий камень, под который и вода не течет* (Пример из [15]). Если подобная трансформация невозможна, то это другие явления экспрессивного синтаксиса, например эллипсис, несвободные конструкции, разговорные построения, синкретичные структуры. Так, цепочку номинативных предложений (весьма экспрессивную – благодаря асиндетону и открытой для продолжения, а потому не только эксплицитной, но и имплицитной амплификации) в следующем примере из [15] мы бы не считали сегментом, отчленённым от базовой (какой?) структуры: *Ночь, улица, фонарь, аптека, Бессмысленный и тусклый свет. Живи ещё хоть четверть века – Всё будет так. Исхода нет.* (А. Блок). Здесь слово *так* коррелирует с первой строкой, но это обычная текстообразующая функция местоименного наречия. Тексту присущи такие же отношения и связи между высказываниями, которые существуют у сегмента и базовой структуры. Ср.: *Гражданственность... Это великое и бесценное понятие мы мало-помалу низвели до демагогической приставки, произносимой тренированным голосом* (В. Распутин), где выделенный сегмент – именительный темы и *В телевизионном мире, и не только в телевизионном, путают два понятия – договоренность и сговор. Если первое есть взаимные действия на почве уважения друг к другу, то второе как правило, – объединение сил во имя уничтожения кого-либо* (ЛГ, 6. 02. 2002), где выделенные слова также «обозначают актуальные для говорящего (пишущего) понятия», а следующее предложение «содержит высказывание по поводу этих понятий» [15] – о сегментированных конструкциях, к которым авторы относят именительный темы.

Наше понимание сегментированных конструкций базируется на точке зрения В.Б. Касевича, согласно которой «речь вообще имеет сегментационный характер, т. е. состоит из сегментов (звуков, слогов, слов, предложений, ССЦ, текстов)» [16]. Ср.: «сущность языка заключена в членораздельности, без которой язык просто был бы невозможен, а идея членения пронизывает его целиком» как «господствующий принцип» [17, 315]. При порождении и восприятии речи естественная сегментация опосредованно отражает сегментацию мира как глобального Текста. Далее следует сегментация второго уровня – сознательная, специальная, предпринимая которую, например в письменной речи, субъект вербализует и механизм сегментации, и ее стратегию (цель, задачу) [16]. На наш взгляд, существует еще и сегментация третьего уровня, при которой канонические языковые единицы, уже сегментированные естественным образом, выносятся в позицию суперсегментации – за пределы предложения, становясь маркированными по признаку «вытесненности» с позиции естественных сегментов как частей высказывания в позицию самостоятельных высказываний, отделяемых в письменной речи от базовой структуры знаком конца предложения.

При широком понимании сегментации все фрагменты, являющиеся результатом расчлененности третьего уровня, можно назвать сегментированными конструкциями. Общность признаков рассматриваемых построений отмечалась исследователями. Так, Г.Н. Акимова пишет, что «наиболее яркой сегментированной конструкцией современного русского языка является именительный представления (или именительный темы). Однако имеются и другие разновидности сегментированных конструкций, сохраняющие все те структурные и коммуникативные закономерности, которые свойственны именительному представлению. Иные синтаксические формы расчленения текста (парцелляция, лексический повтор, вопросительные конструкции в монологе) имеют много общего в своей основе с явлением сегментации» [18, 91].

Типология же сегментированных конструкций должна быть произведена на основе общности коммуникативных функций и коммуникативного репертуара (термин Г.А. Золотовой) этих построений.

Таким образом, проведённый нами анализ литературы, посвященной сегментированным конструкциям, выявил следующее: 1) явление сегментации уже несколько десятилетий привлекает внимание исследователей, к его изучению обращались многие авторы, в том и числе и видные ученые-лингвисты; 2) предприняты удачные попытки структурно-семантического и стилистического анализа расчлененности предложений и текстов; 3) имеется ряд классификаций, основанных на разных принципах: предсказуемость / непредсказуемость, интонационно-смысловая и синтаксическая самостоятельность парцеллята в структуре предложения, экспрессивно-стилистические функции, моноремность / полиремность и др.; 4) в последние десятилетия сегментация стала активно исследоваться в коммуникативно-функциональном аспекте, в том числе с точки зрения её участия в актуальном членении текста и его частей и в текстообразовании; 5) однако до сих пор нет единого мнения по вопросу соотношения таких понятий, как «присоединение», «парцелляция», «сегментация»; данные термины часто трактуются противоречиво и иллюстрируются примерами, в которых признаки явлений размыты, неотчётливы; 6) почти не затронута проблема разграничения сегментированных структур и сходных с ними текстовых явлений, а также вопросы синкретизма синтаксических конструкций как явлений коммуникативного синтаксиса; 7) мало изучена сегментация сложных предложений, хотя нарастающая частотность употребления отчлененных придаточных частей все более заметна, особенно в текстах современной периодики на русском и белорусском языках; 8) исследования, посвященные связи сегментации с актуальным членением в основном носят констатирующий характер, проявляющийся в постулировании положения о том, что сегментированные конструкции выражают рему высказывания; коммуникативные задачи сегментированных построений и создаваемые при их участии коммуникативные текстовые структуры, а также конкретные коммуникативные роли (репертуар) сегментов изучены мало; 9) сегментация отмечается в разных языках, однако сопоставительное исследование рассматриваемых конструкций в русском и белорусском языках, а также описание функционирования таких структур в текстах публицистического стиля на русском и белорусском языках имеют фрагментарный характер.

Литература

1. Максимов Л.Ю. Присоединение, парцелляция и текст // Русск. язык в школе. – 1996. – № 4. – С. 80–83.
2. Ванников Ю.В. Синтаксические особенности русской речи (явление парцелляции). – М.: Изд. ун-та Дружбы народов, 1969. – 236 с.
3. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. – Томск, 1981.
4. Сковородников А.П. О соотношении понятий «парцелляция» и «присоединение» // Вопросы языкознания. – 1978. – № 1. – С. 118–129.
5. Виноградов А.А. К вопросу о дифференциации парцелляции и динамического присоединения // Вопросы языкознания. – 1981. – № 3. – С. 95–110.
6. Бурак Л.І. Далучэнне ў сучаснай беларускай мове. – Мн., выд-ва БДУ імя У.І. Леніна, 1975. – 256 с.
7. Ван Фусян. Парцеллированные конструкции в современном русском языке // Русск. язык в школе. – 1988. – № 4. – С. 82–88.
8. Конюхова Л.И. Явище парцелляції в мові сучасних засобів масової комунікації: Автореф. дис.... канд. філол. наук. – Львів, 1999. – 15 с.
9. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. Изд. 2-е, испр. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 440 с.
10. Рычкова И.А. Парцеллированные конструкции современного русского литературного языка в коммуникативно-функциональном аспекте: Автореф. канд.... филол. наук. – Череповец, 1988. – 17 с.
11. Скоробогатова Е.А. Парцеллированные полипредикативные высказывания в современном русском языке: Автореф. дис.... канд. филол. наук. – Харьков, 1990. – 24 с.
12. Сосинская И.Н. Сегментированные построения со значением темы и текст: Автореф. дис.... канд. филол. наук. – М., 1984. – 16 с.
13. Шильникова Л.Ф. Принципы организации сегментированных текстов в современном русском языке. АКД. – Л., 1984.

14. Современный русский язык: Учебник: Фонетика, Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. – 3-е изд. / Л.А. Новиков, Л.Г. Зубкова, В.В. Иванов и др.; Под общ. ред. Л.А. Новикова. – СПб.: Изд-во «Лань», 2001. – 864 с.
15. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.
16. Касевич В.Б. Усвоение языка, восприятие речи и лингвистическая теория» // Интернет-конференция «Детская речь». – http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/books/Det_speak/glava_1.html
17. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 315.
18. Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка: Учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 1990. – 168 с.

Summary

The article is devoted to the problem of the studying of segmented sentences. The literature concerning this actual question is being analyzed. A new classification of segmented constructions is offered here on the basis of the actual division theory.

Поступила в редакцию 28.02.05.